

Ольга Белова

«Мы жили по соседству...»

Этнокультурные стереотипы и живая традиция¹

Традиция славяно-еврейского соседства в таких регионах этнокультурных контактов, как Подолия, Галиция, Полесье, Понеманье насчитывает несколько веков. За столь длительный период был выработан уникальный механизм этнокультурного сосуществования, в котором объединились этнографическая реальность и целый комплекс фольклорно-мифологических стереотипов в отношении «своих» и «чужих». Значительную роль в развитии социальной и культурной жизни местечек играло полиэтничное и поликонфессиональное население. В начале XX в. доля еврейского населения некоторых местечек достигала 80%. Именно евреи, составлявшие до Второй мировой войны основное население местечек, определяли и уклад жизни, и благосостояние жителей окрестных сел.

Ольга Владиславовна БЕЛОВА
Институт славяноведения
РАН, Москва

Во время как славянское (украинское, белорусское и польское) наследие этих регионов изучено достаточно подробно и представле-

¹ Статья написана в рамках работы над проектом «Этнокультурные стереотипы в картине мира славянских народов (электронная текстотека и поисковая система)», поддержанным РФФИ (проект 03-06-80067).

но в классических трудах П. Чубинского, М. Драгоманова, М. Левченко, Ф. Волка, Д. Щербаковского, М. Федеровского, Е. Романова, П. Шейна, О. Кольберга и других исследователей, «еврейская составляющая» этих локальных традиций долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Поэтому непреходящую ценность для специалистов в области иудаики и славистики представляют результаты экспедиций С. Анского на Волынь и в Подолию, проведенных в 1912–1914 гг. Однако эти материалы, к сожалению, до сих пор не введены в широкий научный оборот.

Таким образом, детальное изучение механизма этнографического соседства в таком уникальном культурном образовании, как восточноевропейское местечко («*штетл*»), специфики межкультурного диалога и, если угодно, «мифологии соседства» еще предстоит осуществить.

Немало интересного для исследователя славяно-еврейских этнокультурных и этноконфессиональных связей содержится и в классическом труде Д.К. Зеленина — предпринятом им «Описании рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества» (1914–1916).

Но начать хотелось бы с примера из полевой практики.

Летом 2001 г. во время экспедиции по бывшим местечкам южной Подолии мы записали рассказ о необычном обряде, якобы имевшем место в легендарном местечке Меджибоже, связанном с жизнью основателя хасидизма Баал Шем Това. Сведениями об этом обряде поделился Олег Николаевич Грабовский, главный архитектор проекта «Хмельницкархпроект», родом из Меджибожа.

Повествование О.Н. Грабовского об обычае «выкупа места» для покойника и о своеобразном ритуале, сопровождавшем это действие, основано на рассказах его бабушки, которая родилась и прожила жизнь в Меджибоже.

«Ритуал такой был, шо они [евреи] подбегают — “откуп” [т.е. выкуп] это называлось. [В Меджибоже евреи нанимали украинца, который должен был при входе на кладбище останавливать похоронную процессию и требовать выкуп за место.] Они бегут, подбегают к воротам, ворота должны быть закрыты, и он с той стороны открывает эти ворота, они его умоляют: “Открой, последнего похороним. Больше не будем хоронить, больше умирать не будем”. [Страж ворот отвечал:] “Мест нету”, — говорит. [Чтобы получить место, евреи давали ему выкуп. Однажды] подбегают они, дали ему червонец, он открывает ворота: “Для всех места хватит!”» (зап. А.В. Соколовой).

В описании явно присутствуют элементы ритуального диалога, характерного для «магии против смерти», и значимая фигура «чужого» — гоя — нанятого на роль местечкового Харона. Однако что перед нами: местный анекдот или осколок забытой тра-

диции? «Перепроверить» это свидетельство было невозможно — большинство местечек превратились в села с моноэтническим населением: евреев давно уже нет ни в Мурафе, ни в Вербовце, ни в Сатанове. Несколько десятков евреев живет в Шаргороде, в соседнем Копайгороде в 2001 г. проживала одна еврейка — Дора Иосифовна Яцкова-Креймер (1924 г.р.). Что касается Меджибожа, в последние годы в результате возобновления паломничества к месту захоронения Баал Шем Това евреи стали снова появляться в местечке, но это уже пришлые, «не наши», во многом подобные многочисленным туристам, посещающим могилу праведника.

Прояснить упомянутый сюжет отчасти позволило обращение к источникам. И здесь самое время вернуться к «Описанию» Д.К. Зеленина, в котором нашелся сходный пример из соседнего региона — Ровенского у. Волынской губ.

Автор материала «Этнографические сведения о Ровенском у.» (рукопись 1854 г.) В.И. Абрамович отмечает: *«Степанские евреи в холерный 1853 г. наняли одного отставного солдата сидеть ночью у ворот кладбища (у них кладбище Окопысько хорошо огорожено и имеет одни только ворота, запираемые на замок): если ночью привезут мертвого и попросят отворить двери, то солдат должен был ответить: “Не могу, ибо нет места”, а при усиленной просьбе: “На сей раз, хоть тесно, да сыщу, но больше не везите, ибо нет и не будет места для холерного места!”* — и побожился бы христианским Богом. Но подвыпивший солдат обманул евреев, ответив на спрос: *“Давай сюда: целое местечко, ей Богу, уложу!”*» [Зеленин 1914: 312].

Итак, материал 150-летней давности содержит следующие детали, на которые стоит обратить внимание: это упоминание о холере, борьба с которой требовала совместных усилий независимо от конфессиональной принадлежности», это «магия слова» и использование «чужого» сакрального понятия (божбы) для отгона болезни.

Вообще же «холерные» сюжеты демонстрируют яркие примеры совместного противодействия бедствию в культурном пространстве местечка. В 2001 г. в пос. Сатанов Городокского р-на Хмельницкой обл. нами был записан рассказ о чудотворной иконе, находящейся в местной православной церкви, и о том, что происходило в местечке во время эпидемии холеры.

«Моя мама сохранила [икону], колы цэркву в трицать п'ятому роцу [разрушили], то дуже иконы були дорогие, вси позолочены. У нас Марія Магдалина празднують, дуже великий праздык. Тому, шо тут в Сатанови холера называлась. Вот нияко лечение нэ буди. Выдет и — по улице йдэш — и всё, конэц. Вжэ умэр, умэр. И не признавали [лечения]. То взяли тую икону — большая, дуже вона исцелитель — то начали вдовы, четыре нэсли. И потом мэнялися. Вона пид стеклом была, в рамках, тяжолоя.

Всёй Сатанов и кругом рэчки нэсли и спивалы, значыть, такое рэлигиозное, церковное, и тут мост буў маленький, поставили йий на мост и сразу прекратилася. В леса пошло.

Колы прынэсли в цэркву эту икону, и прамо та як живая. Я ще маленькая была, смотрим — ды́хает! икона тая. Така была весёлая — и прекратилась [холера].

Все-все выходили, и евреи тоже. И молились, вонь религиозные булы. То прынэсли мы, и сразу прекратилось. Даже есть кладбище за еврейским — там «холерский цвэнтар» называют, там много с Сатанова умерли. И вот празднуемо, дуже велький ў нас празнык, чэрэз месяц он» [запись сделана 23.06.2001. — О.Б.]

И тая икона, мама сохранила, то милиция по хатах, а ми близко от церкви, и пришоў староста и говорить: «Занесить, бо милиция будэ проверять, хто возле церкви живэ, занеси тую икону». Мама говорить: «Нет, нехай забирають ў тый, ў Хмэльницкий ў тюрму. То, кажэ, я з дэтьми забэру, но я нэ отдам». Но, правда, нэ ходыли милиция, ничо, так сохранилась. То мама в семьдэся трэтьему роци, было ужэ девяносто пять рокиў ей, умерла и сказала мэни: «Охраняй тую икону, пока будэши жить». И у нас вот много приезжають и на ту икону смотряць, така большая икона. Сейчас священник большие рамки сделал. Да, сдала в цэркву, и зара дужэ мы здесь празднуем.

[Кто участвовал в обходе с иконой?] *Еврэи нэ йшли. Сами правослаўные. И то вдовы нэсли. Четыри вдовы надо, потом меняюлыся вонь. Всёй Сатанов обийшы и по-над Збруч, а нэльзя было — там поляки, Польшича, не разрешали, заграждение було. То носили по всоей стороні, вси там выходьли дывылыся. И сразу на мост, начали спиваты, вот по-цэрковнэй, и сразу пишла [холера] в лис. Пишла тоя холера в лис. Сразу прекратилося. Шо робьли — мольлыся, видправлялы и всё — ничого не помогало. Тильки трэба було йии [икону] пэрэнэстй чэрэз Сатаноў, тую икону, а зара она дужэ цэ́нна, нигде такой иконы немає» (А.А. Скибинская, 1915 г.р.).*

Вопрос о том, кто участвовал в процессии, носил несколько провокационный характер. Дело в том, что сохранились редкие свидетельства, как в кризисных жизненных ситуациях (засуха, эпидемия, мор) практиковались магические ритуалы с намеренным или невольным участием «чужих», роль которых также была подобна неким «катализаторам». Например, во время засухи жители белорусского Полесья бросали в колодцы горшки, украденные у соседей-евреев, или обливали еврея водой (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., зап. О.В. Беловой, 1983 г.). Согласно архивным материалам, в Могилевской губ. в 1889 г. во время эпидемии оспы еврейские женщины участвовали в обряде опаживания села вместе с белорусскими крестьянками (Архив Института этнологии и антропологии. Колл. ОЛЕАЭ. Д. 381. Л. 27).

Следующий пример касается особенностей еврейского погребального обряда, как он виделся этническим соседям, — точнее, о процессе проводов умирающего на «тот свет».

Считается, что евреи помогают умирающим поскорее расстаться с жизнью и душат их, иногда прибегая к помощи гоев. *«Говорили, что колысь, если еврей не может помереть, то, чтоб не мучился долго, его трэба, мол, додушить... Нанимали одного там Ивана — иди, додуши! Шесть человек ему дозволялося, а седьмым он должен был умереть. Такая была у них традиция. Нашли еврея такого здорового... и в комнату туда: “Так, Иван, иди, трэба того еврея додушити, не может умереть”. — “Зараз!”* [Иван честно отправился исполнять поручение, не подозревая о подвохе.] *Нема — нема, полтора часа нема. Выходит [Иван]: “Вот какой здоровый, если бы не я, еще бы сто рокив жил!”*» (Н.А. Ковальский, 1951 г.р., с. Вербовец Мурованокуриловецкого р-на Винницкой обл.).

Мотив удушения умирающих встречается и в материалах из украинских Карпат: *«У яўрэив був такый закон, колы умэраў, колы вжэ выделы, шчо вин кончається, так бралы подушку и помогальны, а потим заматували у лэнту, прямо у простынь, и так у простыни вун лэжаў. И у простыни його хороньлы. Труну [гроб] нэ робылы нэ яку, тому шчо нэ можно було, такый закон був, бэз гвоздя, клалы дошки и мишок глыны пуд гулуву»* (с. Грушево Тячевского р-на Закарпатской обл.; Карпатский архив Института славяноведения РАН, 1988).

Итак, согласно народным верованиям, евреи помогают умирающим поскорее расстаться с жизнью, нанимая для этого специального душителя, иногда гою, который с помощью подушки умерщвляет умирающего. Сейчас мы не ставим своей целью выяснить соответствие описанного действия «объективной реальности» или выявить корни этой мифологемы.

Отметим только, что аналогичные ритуалы молва иногда приписывает и русским старообрядцам, и данный сюжет, таким образом, выходит далеко за рамки регионов, где имели место контакты евреев и славян. Так, по свидетельству из Кинешмы, зафиксированному в начале XX в., «столоверы» (т.е. старoverы) «поморского толка» вызывают к умирающему «душилу», помогающего человеку отправиться на «тот свет». «Душила» приезжает с красной подушкой, которую кладет на голову умирающему, и душит его. Такой способ смерти объясняется по-разному: *«чтоб душа меньше страдала»*; считается, что такой смертью искупаются грехи умирающего [Вл. Б. 1904: 161]. Развивая эту тему, Д.К. Зеленин отмечал, что подобные слухи о «красной смерти» через задушение красной подушкой, якобы практикуемой старообрядцами, ходили и в Сарапульском у. Вятской губ. При этом он отмечал, что бытуют представления о существовании особого специалиста по удушению, но эту обязанность могут

выполнять и родственники умирающего — сын или дочь [Зеленин 1904: 68]. Удушение красной подушкой практиковали, согласно «Памятной книжке Вятской губернии на 1901 год» и бегуны: тяжело больных людей «крестят и душат красной подушкой» [ПК 1901: 98–99]. При этом «красная смерть» — всегда добровольная; по мнению Д.К. Зеленина, красная подушка является здесь скорее вторичным символом, «*по созвучию с красной (т.е. красивой, почетной) смертью*» [Зеленин 1904: 68].

Таким образом, перед нами пример культурного явления, не связанного генетически с еврейской традицией, но имеющего ряд типологически сходных черт с еврейскими обрядами (такими, как они видятся соседям-славянам).

В определенных ситуациях стереотипы относительно «чужих» могут быть спроецированы и на «своих» (христианских) конфессиональных оппонентов, и наличие сходства между «неправильными своими» и «чужими» неизбежно ведет к тому, что оппоненты оказываются причислены молвой к «жидам», а вера их тут же объявляется «жидовской». Среди подобного рода «псевдоевреев» оказываются в глазах носителей народного православия в первую очередь старообрядцы, баптисты и сектанты-хлысты.

Еврейские похороны оказались в наибольшей степени «прокомментированы» внимательными соседями — возможно, в силу того, что были наиболее «наглядным» обрядом (каждый раз похоронная процессия преодолевала неблизкий путь до находившегося в отдалении от местечка — чаще на высокой горе — еврейского кладбища), возможно, оттого, что вид самого кладбища (тесно стоящие надгробия, непохожие на христианские) постоянно активизировал в сознании носителей фольклорной традиции суеверные представления, связанные с «чужой» культовой ритуалистикой.

Главная особенность еврейского погребального обряда в представлениях этнических соседей — это захоронение без гроба, при этом тело опускают в могилу в сидячем положении (такие поверья распространены повсеместно у украинцев, белорусов, поляков; о фольклорной интерпретации такого способа похорон см. [Белова 2003: 166–167]). У русских существуют свидетельства о подобном способе захоронения у религиозных сектантов. Так, в Заонежье рассказывали, что «бегуны» хоронят своих покойников не на кладбищах, а на отдаленных пожнях, без гроба; завернутое в домотканый половичок тело опускают в могилу в сидячем положении [Логинов 1993: 167].

Упомянем в связи с этим обычай «крещения в смерть», бытующий у беспоповцев-бегунов на севере Пермской обл.: человека, готовящегося к смерти, погружают в колоду, наполненную водой, и выстригают на голове волосы в виде креста; когда же человек умирает, его кладут в могилу (за это сообщение благодарю Е.М. Сморгуну).

Таким образом, сходный погребальный ритуал приписывается и этническим соседям, и конфессиональным «оппонентам».

Что касается обряда еврейских похорон, то «объективное» описание данного обряда мы опять же находим в материалах, опубликованных Д.К. Зелениным.

В рукописи Н.А. Маркевича «Отрывки из путевых заметок», датированной 1848 г., содержится фрагмент «Обряд еврейских похорон в гор. Прилуках». В комментариях, сопровождающих текст, слышатся голоса представителей описываемой традиции, что, безусловно, выделяет этот материал из общего ряда, который обычно представляет нам свидетельства «наблюдающей стороны» и в котором этнографическая реальность смешивается с мифологическими конструктами.

«Покойнику легче, когда его несут родные и знакомые, нежели когда везет его конь» [Зеленин 1916: 1124]. Сравним свидетельство из Закарпатья о том, что евреев везли на кладбище на лошадях (лошадь как традиционно нечистое животное!): *«Чтобы везти покойника на кладбище, нельзя запрягать лошадей, надо только волов. Это закон. На лошадях возят евреев, а для русинов нужны волы. Только евреев возят на телегах. А русина нельзя так везти на кладбище, потому что его тело растрясется и начнет смердеть»* (Прислоп) [Богатырев 1971: 265]; *«Нехорошо (скаренно) везти покойников на кладбище на лошадях, как евреев. Лошадь нечистое животное. Вол — самое чистое животное»* [Там же]; *«У лошади нет дыхания (не має дыханіє), она не верит в бога. Вот почему покойников возят не на лошадях, а на волах и не на телеге, а на санях. Волон нельзя запрячь в телегу, нет такой упряжи»* [Там же; зап. в Прислопе от цыганки Пелагеи Славита]. В этих рассказах соседней-христиан относительно еврейских похорон отразился целый комплекс мифологем: об изначальной «нечистоте» «чужих», о специфическом запахе, присущем «чужим», о том, что нарушение правил «своего» погребального обряда может приравнять покойника к «чужому» — инородцу.

«Нельзя класть покойников там, где нет воды; в местах, где нет ни реки, ни озера, мы роем колодези для кладбища» [Зеленин 1916: 1124]. В связи с этим упомянем шутку по поводу еврейского кладбища в Сатанове. На дороге у подножия горы, на которой расположено еврейское кладбище, находится колодец с вкусной водой. Проезжающие часто пользуются колодцем, и не всегда аккуратно. Один из местных жителей придумал способ отваживать посторонних. Говорит, что вода такая хорошая, потому что *«тече с еврейского кладовища и одмывает тые кистки»* [В.Ф. Бабийчук, 1946 г.р., зап. О.В. Беловой, В.Я. Петрухина, 2001].

Хоронят без гробов потому, что *«для покойника легче, когда он скорее обратиться в землю»*; мертвецов кладут *«лицом против восходящего солнца»* [Зеленин 1916: 1124–1125]. Обрубки досок,

которыми было закрыто положенное в могилу тело покойницы, были тоже выкинуты в яму: «*Это не наше дерево, — говорили евреи, — это все ее*» [Там же: 1125]. Сравним уже упомянутое свидетельство из Закарпатья: евреев хоронили без гроба, в могилу клали некие предметы (доски, мешок с глиной под голову). Эти мотивы находят соответствие в материалах из Подолии и перекликаются с данными из Полесья (захоронение без гроба) и Польши (согласно описаниям погребального обряда польских евреев, покойнику кладут в могилу палки, на которые он может опереться, когда придет Мессия; на глаза ему кладут глиняные черепки [Lilientalowa 1898: 278]).

Таким образом, традиция представлений (стереотипов, суеверий) о соседях в регионах тесных этнокультурных контактов демонстрирует поразительную устойчивость. Материал показывает, что суеверия живут вне зависимости от того, присутствует или отсутствует иноэтничный элемент в реальной действительности. Фольклорно-мифологическая память об этнических соседях продолжает сохраняться, когда само соседство уже стало фактом истории.

Сокращения

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

Библиография

- Белова О.* О «жидах» и «жидовской вере» в народных представлениях восточных славян // *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга.* М., 2003. С. 160–175.
- Богатырев П.Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 167–296.
- Вл. Б.* «Душила» у русских раскольников // *Этнографическое обозрение.* 1904. № 2. С. 160–161.
- Зеленин Д.К.* «Красная смерть» у русских старообрядцев // *Этнографическое обозрение.* 1904. № 3. С. 67–68.
- Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пгр., 1914. Вып. 1.
- Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пгр., 1916. Вып. 3.
- Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- [*ЛК*] Памятная книжка Вятской губернии на 1901 год. Вятка, 1901.
- Lilientalowa R.* Przesady żydowskie // *Wisła.* 1898. Т. 12. S. 277–284.